

DOI 10.15826/qr.2016.3.178

УДК 94(470)"16"+316.356+316.342.2+316.343"653"

ХОЛОПСТВО В РОССИИ XVII В.: ИНСТИТУТ, НЕ ПОРОДИВШИЙ КАСТУ*

Владимир Аракчеев

Уральский федеральный университет,
Институт истории и археологии УРО РАН,
Екатеринбург, Россия

KHOLOPSTVO (SLAVERY) IN 17TH-CENTURY RUSSIA: AN INSTITUTION THAT DID NOT RESULT IN A CASTE**

Vladimir Arakcheev

Ural Federal University,
Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Science (Ural Branch),
Yekaterinburg, Russia

The article deals with the history of slaves in Russia in the 17th century: it traces the evolution of the legal status of this group from the Time of Troubles to the reforms of Peter I. The bondage book of Veliky Ustyug (1619–20) provides new data on Russian slavery. The institution of slavery originally drew from all social strata, including nobles and knights; however, the enslavement of these individuals was prohibited in the 1640s. From 1641 onwards, it was forbidden to turn peasants and townspeople into slaves. The law sharply separated *Zhiletskie ludi*, whom some historians consider a variety of slaves, from serfs: they thus constituted a particular social group. Before the 1630s, when the ownership of slaves became a noble monopoly, members of all social strata owned slaves. This is demonstrated by the Ustyug bondage book. Slaves formed an extremely diffuse social group: therefore, R. Hellie's definition of Muscovite slaves as a caste is erroneous. After 1649, the number of *zadvornye ludi* grew rapidly. This group included both slaves and persons of uncertain legal status: in reality, their position was akin to

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX в.».

** Citation: Arakcheev, V. (2016). "Kholopstvo" (Slavery) in 17th-century Russia: An Institution That Did not Result in a Caste. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 111–122. DOI 10.15826/qr.2016.3.178.

Цитирование: Arakcheev V. "Kholopstvo" (Slavery) in 17th-century Russia: An Institution That Did not Result in a Caste // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 111–122. DOI 10.15826/qr.2016.3.178 / Аракчеев В. Холопство в России XVII в.: институт, не породивший касту // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 111–122. DOI 10.15826/qr.2016.3.178.

that of the peasantry. Thus, the road to the abolition of slavery was paved by processes of social stratification in Russia.

Keywords: 17th century Russian history; social class; peasantry; social group; kholopstvo.

Рассматривается история социальной группы холопов в России XVII в.: источники исследования, этапы эволюции их правового статуса от Смутного времени до реформ Петра I. В научный оборот вводится кабальная книга Великого Устюга 1619–1620 гг., расширяющая представления о русском холопстве. Институт холопства пополнялся представителями всех социальных слоев, включая дворян и детей боярских, доступ которых в ряды холопов был запрещен в 1640-х гг. С 1641 г. в холопы было запрещено принимать также крестьян и посадских людей. Жилецкие люди, которых некоторые историки считали разновидностью холопов, в законодательстве резко отделялись от них и составляли особую социальную группу. Автор настаивает, что до 1630-х гг., когда владение холопами стало практически монополией дворян, холопами владели представители всех страт общества. Введенная автором в научный оборот Устюжская кабальная книга показывает, насколько широким был спектр рабовладельцев Московской Руси. Автор приходит к выводу, что, будучи чрезвычайно размытой социальной группой, холопы впитывали в свои ряды представителей самых разных социальных страт, и их нельзя считать единым сословием.

Ключевые слова: история России XVII в.; сословие; холопство; крестьянство; социальная группа.

История холопства в России изучается начиная с середины XIX в., и проблема определения места холопов в обществе занимала внимание представителей всех научных школ. Дореволюционные русские историки не считали холопов сословием, не усматривая за ними никаких определенных прав; советская историография не затруднялась такими терминологическими тонкостями. Типичным примером являются изыскания крупнейшего специалиста по истории холопства В. М. Панеяха, который определял холопство как институт, считая холопов «единым сословием», объединяя в этом понятии группы холопов, различавшиеся по правовому статусу [Панеях, 1975, с. 5]. Для Р. Хелли холопы не были сословием равно в той же степени, что и другие страты российского общества, которые он был склонен считать кастами: «После 1649 г. Московия представляла собой кастовое общество, в котором статус каждого жителя был определен законом, и судьба его наследников была predetermined» [Хелли, с. 26–27, 31].

В осмыслении социального статуса холопов существуют два затруднения методологического и источниковедческого характера. Сущностной чертой методологии исторической науки советского периода был механицизм, когда человек рассматривался как чистая функция

социальных отношений, поэтому холоп мог «превращаться» в крестьянина. Из гибкой, неоднозначной концепции происхождения крепостного права Ключевского отечественные историки сделали вполне схоластический вывод об «изживании» холопства в XVI–XVII вв. В 1930–1940-х гг. благодаря усилиям Б. Д. Грекова этот тезис приобрел канонические черты и нашел выражение во вполне безличной терминологии [см. об этом: Аракчеев, 2014, с. 35, 50]. Более существенным ограничением в изучении истории холопства стал фактор недостаточной источниковой базы. В мае 1682 г. в ходе стрелецкого восстания в Москве был сожжен архив Холопьяго приказа. Слабая сохранность дел о холопах в провинциальных архивах привела к тому, что все известные в науке до настоящего времени реестры, фиксировавшие сделки на холопов («Книги старых крепостей» и «Кабальные книги»), происходят из архивов Новгородской и Псковской приказных изб. В результате состояние холопства в России исследователи реконструируют главным образом на материалах Северо-Запада России, поскольку от других регионов и даже Москвы дошли только отдельные судебные дела [Хелли, с. 691–693; Панях, 1984, с. 18–19]. Второй перекося в источниковой базе состоит в том, что холопство второй половины XVII в. не изучено даже по новгородским источникам, а попытку его изучения по новгородским переписным книгам нельзя, к сожалению, признать успешной [Аракчеев, 2007, с. 316–324].

Задача исследования проистекает из изложенных проблем и заключается на основании новых источников в анализе холопства как института и холопов как социальной страты.

Значение холопства в русском обществе XVII в. определялось, во-первых, количественными показателями. По данным А. Я. Водарского, в Вологде по переписи 1678 г. около 6,2 % населения составляли холопы, принадлежавшие служилым людям и духовенству, а по петровским переписям Вологодского уезда 1710-х гг. холопы составляли 4,4 % населения, в 1718–1722 гг. это значение упало до 3,7 % [Водарский, с. 111–115]. Опираясь на эти данные, Р. Хелли считал, что в XVII в. в главных уездных городах холопы составляли от 5 до 10 % взрослого мужского населения. Очевидно, что это значение осознавалось и современниками, ибо, по замечанию того же Хелли, Россия была единственной страной, где существовал орган центрального управления делами рабства – Холопий приказ. Вторая особенность института холопства состояла в том, что основная часть рабов были местными уроженцами и стали рабами, продавшись в кабальные холопы [Хелли, с. 15, 653]. Институт холопства охватывал выходцев из всех социальных слоев, включая привилегированных служилых людей – дворян и детей боярских. До середины XVI в. самопродажа в холопство была возможна даже для детей боярских, служивших при дворе или в армии, но в 1550 г. начинается длительный процесс лишения дворян возможности переходить в рабы. В ст. 81 Судебника

1550 г., а затем указом от 1 сентября 1557 г. запрещалось «похолопление» детей боярских, не уволенных с царской службы, и их детей, не достигших 15 лет [Судебники, с. 170; Законодательные акты, тексты, с. 45]. В 1638 г. верстанным детям боярским вновь было запрещено продаваться в холопство, а уже продавшихся было предписано «из кабальново холопства имать на государеву службу» [Законодательные акты, тексты, с. 184].

Ключевое значение в истории холопства имел указ, изданный не позднее 30 мая 1641 г.¹ Применительно к детям боярским запрещалось продаваться в кабальное холопство безотносительно к факту верстания. По указу от 23 июля 1641 г. верстных и имевших поместья детей боярских, перешедших в холопы, надлежало забирать из холопства даже с семьями (если их жены ранее были холопками) и верстать в службу. В том случае, если они не были верстаны и не имели поместий, их надлежало оставлять в господских дворах. Уложение 1649 г. также позволяло таким детям боярским оставаться холопами, но запрещало подобную практику в будущем [Законодательные акты, тексты, с. 195, 199–200; Соборное уложение, с. 103]. Таким образом, маргинализованная часть бывших дворян оказалась отсечена от своего сословия.

В середине XVI в. правительство с поразительным безразличием относилось к переходу крестьян и членов их семей в холопство, который был зафиксирован в ст. 88 Судебника 1550 г. Только в первой половине XVII в. появляются указы, в которых выдача кабальных записей на крестьян ставится под запрет. Косвенное запрещение «кабалить» крестьян впервые появляется в указе 1606 г., но прямой запрет, видимо, появился в указе не раньше 1616 г., «до королевичева приходу за два года». Согласно ему «крестьян своих в холопы и крестьянок своих в рабы никому имать не велено» [Законодательные акты, тексты, с. 74; Яковлев, с. 350]. В дальнейшем этот запрет был подтвержден в указе 1630 г., а в указе 1641 г. к крестьянам были добавлены еще и посадские люди, что и было окончательно зафиксировано в Соборном уложении 1649 г. [Законодательные акты, тексты, с. 157, 195; Соборное уложение, с. 116–117]. Таким образом, к 1649 г. землевладельцам было запрещено превращать своих крестьян в холопов, если же землевладелец делал это, а крестьянин-холоп убежал и продавался другому хозяину, то закон устанавливал, что такой беглец должен быть возвращен прежнему землевладельцу как крестьянин. Холопий приказ должен был рассылать списки беглых крестьян по всей стране, чтобы предотвратить их самопродажу в холопство.

Важнейшим источником пополнения контингента рабов повсеместно был военный плен. По указу 1556 г. военные пленники должны были освобождаться по смерти владельцев, и лишь в случае женитьбы на рабе или добровольной самопродажи становились полными холопами [Законодательные акты, тексты, с. 43; Законодатель-

¹ В. М. Панях предположительно датирует его 26 августа 1640 г.

ные акты, комментарии, с. 44]. Однако Е. И. Колычева показала, что указ не был реализован на практике [Колычева, с. 45–48]. После начала Ливонской войны в плену оказались тысячи пленных, включая рыцарей и их слуг. Озабоченное привлечением их на военную службу и столкнувшееся с массовым порабощением этих людей, правительство 1 сентября 1558 г. издало указ, предписывавший обязательную регистрацию похолопляемых военнопленных в книгах ведомства казначеев [Законодательные акты, тексты, с. 51; Законодательные акты, комментарии, с. 54–55].

Согласно ст. 61 Уложения 1649 г. военные пленники наряду с полными холопами, докладными и купленными были включены в число категорий холопов, могущих быть отчужденными посредством духовных, сговорных и данных записей [Соборное уложение, с. 110, 336]. В 1665 г. был издан указ, запрещающий регистрацию сделок по продаже пленных «литовцев» в рабство персам и кавказским черкесам [ПСЗ, с. 611]. Р. Хелли считает, что в 1690 г. правительство вернулось к установлениям 1556 г. и объявило, что военные пленники должны были освобождаться Холопым приказом по смерти владельцев, однако это утверждение не подтверждается источниками [Хелли, с. 81]. Таким образом, во второй половине XVII в. полоняники подлежали купле-продаже, отдавались в приданое по рядным записям и передавались по наследству, а плен оставался источником наиболее суровой формы рабской зависимости.

Юридически холопы в России XVII в. делились на несколько категорий, между которыми, однако, не наблюдалось социальной пропасти. Продолжала существовать категория полных холопов, зависимость которых была вечной, наследственной и потомственной. Из дела 1634 г. известна генеалогия старинных холопов в девяти поколениях, то есть восходившая в середине XV в. [Яковлев, с. 484]. Несмотря на то, что с 1649 г. полные грамоты не выдавались, категория старинных холопов дожила до начала XVIII в. Б. Дж. Сигел и Р. Хелли объясняют эту устойчивость архаичного института стратификацией общества, основанного на высококонкурентной борьбе за символы богатства [Siegel, p. 370; Хелли, с. 494]. Обширная дворня из потомственно служивших при дворе людей была несомненным символом успеха в среде служилых людей и высшей бюрократии. С появлением категории кабальных холопов, первоначально имевших право выкупиться на свободу, система холопства стала менее жесткой. По закону 1597 г. кабальные люди должны были служить господам лишь в период их жизни и по смерти господ подлежали немедленному отпуску на волю. На практике они чаще всего брали новую кабалу у старого или нового владельца. Кроме того, как показали В. И. Корецкий и В. М. Панеях, в первой половине XVII в. были зафиксированы случаи передачи их по наследству и обмена; кроме того, владельцы «поступались» ими, то есть фактически продавали [Корецкий, с. 194; Панеях, 1984, с. 52–54]. Согласно ст. 61 Соборного уложения, кабальные холопы ни при каких

обстоятельствах не могли быть отчуждаемы такими способами, а их неволя приобрела ненаследственный характер [Соборное уложение, с. 108, 336–337]. Но, невзирая на их резкое отличие от полных холопов по праву, социальная близость полного и кабального холопства несомненна. Р. Хелли показал, что в 47,9 % случаев стоимость полного холопа составляла 2–3 рубля, и в 46 % случаев стоимость кабального холопа составляла также 2–3 рубля: «Почти наверняка современники считали эти два вида холопства чрезвычайно похожими. Другие примеры сходства: полные холопы пускались в бега с той же частотой, что и кабальные» [Хелли, с. 312, 314].

Помимо таких видов холопства, как старинное, полное, докладное, добровольное и кабальное, Р. Хелли, следуя В. О. Ключевскому, считает холопами жилецких людей и даже закладчиков [Хелли, с. 52]. Между тем, российское законодательство прямо указывало, что вольные (жилецкие) люди не являются холопами и не подлежат записи в кабальные книги. На практике, видимо, их записывали в кабальные книги, но указ В. Шуйского от 6 марта 1608 г. со ссылкой на постановления Судебника категорически запрещал это делать [ПРП, 1956, с. 380]. В Соборном уложении 1649 г. прямо указано, что «вольным людям» следует «жить из воли по записям урочные годы» [Соборное уложение, с. 115].

До начала XVII в. холоповладельцами в России могли быть представители любых социальных страт – не только служилые люди всех категорий, но и тяглые люди, священнослужители, стрельцы, пушкар, монастырские служки и собственно холопы. На практике, конечно, именно служилые люди порабощали холопов; «в 1590-е гг. приказные были едва ли не единственной беспоместной группой, которая могла себе позволить покупать на рынке холопов и делала это, тем самым демонстрируя наличие значительных излишков дохода» [Хелли, с. 34]. Кроме того, холопы могли оформляться сразу на нескольких хозяев (например, на отца и сына). Согласно приговору от 7 января 1606 г. запрещалось коллективное владение холопами: отныне кабала должна была писаться только на одного хозяина; кабалы, составленные на двух хозяев, подлежали аннулированию. На следующем этапе в 1622 и 1627–1628 гг. последовал запрет мусульманам (татарам-землевладельцам) владеть православными холопами [Законодательные акты, тексты, с. 138].

Из сохранившихся кабальных книг известны факты владения холопами представителями практически всех страт общества. Панеях ввел в научный оборот данные о массовом закабалении людей воеводами, дьяками, губными старостами, священнослужителями, стрельцкими головами и сотниками, казачьим есаулом. Не менее шести кабал в Новгороде и Пскове оформили на себя посадские люди, среди которых два гостя, и четыре кабалы предъявили к регистрации холопы [Панеях, 1984, с. 115–117].

Еще более впечатляющие данные содержатся во вводимой нами в научный оборот кабальной книге Великого Устюга 1619–1620 гг. [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 456. Л. 202–216]. В этом поморском городе,

где, как известно, отсутствовало поместное землевладение, на протяжении двух лет, с августа 1619 по июнь 1621 г., было выдано 23 кабалы на 27 человек. Среди закабаляемых преобладали жители Поморья (устюжане, вологжане, сольвычегодцы, белозерцы, «подвинцы», жители Важского уезда и Утмановской волости), но встречались и люди из дальних земель (вязьмитины и даже «нарымского роду остяк»). Абсолютное большинство закабаляемых были взрослыми людьми, лишь один подросток 12 лет. Холоповладельцы представляли самые разные страты общества. Всего двух человек закабалил местный воевода А. В. Ростовский-Приимков, еще 11 человек – дворяне В. А. Аргамаков и его сын Иван. Другими холоповладельцами стали местный дьяк И. А. Сукин, гость П. С. Строганов, торговый человек Суконной сотни Н. Ларионов, посадские люди и два холопа. Устюжская кабальная книга показывает, насколько широким был спектр рабовладельцев Московской Руси.

Сословные ограничения права владеть холопами в Московии вводятся начиная с 1630-х гг., когда оформляется более четкая стратификация московского общества. Решающий шаг был сделан в 1634–1635 гг., когда холопам было запрещено покупать свободных людей в кабалу, но было разрешено брать на свободных людей житецкие записи на определенный срок [Законодательные акты, тексты, с. 165]. Указ, видимо, исполнялся не в полной мере, поскольку в Соборном уложении 1649 г. эта норма была не только подтверждена, но и предписывала аннулировать служилые кабалы, взятые холопами после указа 1634–1635 гг.

Второй шаг в реорганизации страты холоповладельцев был сделан указом, изданным не позднее 30 мая 1641 г., в котором со всей категоричностью было заявлено:

А тяглым людем, и попом, и стрельцом, и пушкарем, и монастырским служкам, и боярским людем на людей служилых кабал давати не велено ж, а велено им давати на людей житейские записи на урочные годы з зарядом [Законодательные акты, тексты, с. 195].

В дальнейшем эта норма была частично подтверждена Соборным уложением 1649 г. Там же содержалось важное распоряжение о запрещении кабалить людей воеводам и приказным людям в тех городах, где они находились на службе, пользуясь таким образом своим служебным положением [Соборное уложение, с. 109]. С 1640-х гг. владение холопами становится сословной привилегией служилых людей, к которым, помимо дворянства, следует причислить еще и гостей.

Институт холопства на протяжении XVII в. предоставлял все больше возможностей для освобождения. К этому приводили стихийные бедствия, подобные голоду 1601–1603 гг., когда холопов, изгнанных владельцами во время голода, по приговору от 16 августа 1603 г. следовало освободить [ПРП, 1956, с. 375]. Активное участие холопов в социальных движениях начала XVII в., причем зачастую вместе

с их владельцами (кн. Шаховской и его бывший холоп И. Болотников), вновь дезорганизовало систему холоповладения. К тому же правителями эпохи Смуты применялась старая практика роспуска холопов служилых людей, оказавшихся в опале. Ответом на эту, по выражению В. М. Панеяха, «дезорганизацию в сфере холопства», стал приговор от 25 февраля 1608 г., в котором правительство закрыло глаза на реальное положение вещей и постановило считать законным освобождение холопов по отпускным, выданным Холопым приказом [ПРП, 1956, с. 378].

Соборное уложение 1649 г. предоставляло холопам определенный спектр возможностей для освобождения. Как и прежде, освобождению подлежали кабальные люди после смерти господина (ст. 9), холопы, вышедшие из плена (ст. 34). В случае, если беглый холоп постригался в монахи или был поставлен в священники и дьяконы, его судьба решалась патриархом или архиереями на местах, но о возвращении его в рабство речи не шло (ст. 67). Безусловному отпуску на свободу по ст. 33 подлежали холопы государственного преступника:

А будет кто изменит, из Московского господарства отъедет в иное господарство, а после его людем его по государеву указу и по боярскому приговору дана будет воля... [Соборное уложение, с. 107].

Наконец, во второй половине XVII в. свобода предоставлялась холопам, воевавшим в полках нового строя. По указу царя Алексея от 29 декабря 1675 г.

...Без государева указа их помещиком и вотчинником в холопство и во крестьянство не отдавать, для того, что те ратные люди научены копейному и рейтарскому и салдацкому строем, и к нынешней службе и к походу надобны» [Дворянство и крепостной строй, с. 343].

Ключевая проблема истории холопства – обязанность холопов платить налоги, поскольку в историографии они традиционно считались нетяглоспособными. Ю. В. Готье писал, что «действительно нетяглыми были долгое время холопы, не платившие до второй половины XVII в. никаких налогов в казну» [Готье, с. 315–316]. Впервые в отечественной историографии тезис об освобождении всех холопов от тягла опровергла Е. И. Колычева. Она убедительно показала, что все аргументы об освобождении холопов от тягла свидетельствуют как раз об обратном, а именно об обложении тяглом холопов, имевших надел. Правда, под ними следует понимать только холопов-страдников, непосредственно работавших на пашне, и вряд ли освобождение от тягла касалось холопов-послужильцев [Колычева, с. 100–103]. Холопы-страдники получили устойчивое наименование «задворных людей», то есть живших за двором помещика, вне его усадьбы.

Широкое распространение задворных людей вызвало к жизни боярский приговор 14 апреля 1624 г., в котором впервые эта категория

холопов была обременена имущественной ответственностью за совершение уголовных преступлений:

А которые люди жили за двором, а, живучи, также воровали, и на тех задворных людех на самих выти имати; а которые задворные люди померли, и тех людей животы продавати в выть [ПРП, 1959, с. 203].

В ходе введения «живущей четверти» в 1620-х гг. налогообложению стали подлежать только крестьянские и бобыльские дворы, и у землевладельцев появился прямой мотив увеличивать количество дворов задворных людей. Так, по данным В. Н. Важинского, в переписных книгах 1646 г. южных уездов России было зарегистрировано 36 тыс. дворов дворцовых и помещичьих крестьян, бобылей и холопов («задворных людей»), из которых холопских дворов оказалось всего 26. В переписных книгах 1678 г. зарегистрирована 41 тыс. дворов, а число дворов задворных людей возросло до 12 тыс., причем все они, по мнению исследователя, были холопами [Важинский, с. 54–55].

Р. Хелли предложил утилитарное объяснение этого явления: по его мнению, когда проводилась перепись 1678 г., помещики, очевидно, решили пойти до конца и объявить тысячи своих крестьян холопами; эта попытка обмануть сборщиков податей была предпринята в надежде, что пашенные холопы не должны будут платить податей [Хелли, с. 656]. Аналогичное явление фиксируется и на Северо-Западе России: по данным новгородских, великолукских, пусторжевских переписных книг 1678 г., удельный вес задворных и дворовых людей в поместьях достигал 20–25 % от численности всего учтенного в переписных книгах населения [Воробьев, с. 113–123]. Однако проведенное нами исследование не подтверждает такую точку зрения: далеко не все из задворных были холопами, их зависимость фиксировалась известными еще М. А. Дьяконову ссудными записями на задворных людей [Аракчеев, 2015, с. 118–125].

Проанализируем результаты исследования материалов Деделовской и Псковской приказных изб за вторую половину XVII в. В записных крепостных книгах Деделовской приказной избы в 1684–1688 гг. регистрировались акты на крестьян и задворных людей, причем и те, и другие именовались ссудными записями. Процесс регистрации был предельно упрощен: определяющийся в задворные люди устно в присутствии воеводы излагал свою биографию, фиксировал факт того, что он не был «в службе великих государей и в тягле», «по кабальному холопству ни у ково не служивал» и желает поступить в задворные люди «с судною записью» [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. № 699, 704, 740, 741]. Среди таких людей многие происходили из числа военнопленных, проживших «во дворе» своих господ по 20–30 лет, обзаведшихся семьями и наконец оформлявших свои отношения с господином.

В задворные люди переходили разного рода нетяглые элементы: церковные сторожа, люди «с воли», кормившиеся работой. Некото-

рые были добровольными «выходцами» с территории Речи Посполитой. Весьма характерна биография выходца из «польских городов могилевского пригородка местечка Чеусов» Сидора Ефимова. Прожив на территории Русского государства около 20 лет, он не был включен в переписные книги и, соответственно тягло, жил «из доброты» в деревне помещика Елагина. Выходец сохранил свободу, даже женившись на дворовой девке помещика, перешел после его смерти в поместье его зятя, где прожил восемь лет «из доброты без крепостей» и только в декабре 1685 г. записался к нему же в задворные люди [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. № 748].

Таким образом, задворные люди в Дедиловском уезде, уездах Северо-Запада и, видимо, других уездах Засечной черты – это особая категория крепостного населения, чья зависимость не была холопской, а оформлялась способом, свойственным отношениям землевладельцев с крестьянами посредством ссудной записи. В ходе реформы, воплощенной в указах 2 сентября и 9 октября 1679 г., задворные люди были включены в тягло, что обозначило, с одной стороны, переломный момент в процессе закрепощения сельского населения, а с другой стороны, переход к новой системе взимания налогов. С 1680-х гг. холопы и крепостные крестьяне начинают упоминаться вместе в правовых документах и фиксироваться в крепостных актах [ПРП, 1963, с. 185–206]. Так, помещики и вотчинники Углича в марте 1690 г. просили о записи служилых кабал и ссудных записей на крестьян в губной избе с записью в книги [РГАДА. Ф. 233. Кн. 301. Л. 782].

Совокупность изложенных обстоятельств убеждает в том, что холопы не были сословием и не обладали его признаками. В то же время, будучи чрезвычайно размытой социальной группой, холопы как губка впитывали в свои ряды представителей самых разных социальных страт, и их статус никак не соотносится с предложенным Р. Хелли определением касты. После 1649 г. начался стремительный рост численности задворных людей, которые включали в свой состав как холопов, так и лиц неопределенного правового статуса, близких по своему фактическому положению к крестьянам. Сказанное позволяет заключить, что ликвидация института холопства серией указов Петра I 1718–1723 гг. была логичной, хотя и запоздалой мерой, сомкнувшей холопов в правовом отношении с крестьянством.

Список литературы

Аракчеев В. А. Дворовые и задворные люди: к исследованию терминологии переписных книг 1640–1670-х гг. // Государство и общество в России XV – начала XX века. СПб. : Наука, 2007. С. 316–324.

Аракчеев В. А. Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI–начала XVII в. М. : Древлехранилище, 2014. 506 с.

Аракчеев В. А. О причинах перехода к подворной системе налогообложения в 1678–1679 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. М. ; Самара : Самар. ун-т, 2015. С. 118–125.

- Архив СПб ИИ РАН. Ф. 134 (Деделовская приказная изба). Оп. 1. Д. 699, 704, 740, 741, 748.
- Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 255 с.
- Водарский А. Я. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М. : Наука, 1977. 262 с.
- Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М.: Тип. Лисснера и Собко, 1906. 602 с.
- Воробьев В. М. Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII – начала XVIII в.? // История СССР. 1983. № 4. С. 113–123.
- Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М. : Наука, 1975. 270 с.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. : тексты. Л. : Наука, 1986. 261 с.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. : комментарии. Л. : Наука, 1986. 260 с.
- Колычева Е. И. Холопство и крепостничество. М. : Наука, 1971. 250 с.
- Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. : Наука, 1970. 300 с.
- ПРП (конец XV – начало XVII в.). М. : Изд-во юридич. лит-ры, 1956. Вып. 4. 632 с.
- ПРП (первая половина XVII в.). М. : Изд-во юридич. лит-ры, 1959. Вып. 5. 667 с.
- ПРП (вторая половина XVII в.). М. : Изд-во юридич. лит-ры, 1963. Вып. 7. 510 с.
- Панях В. М. Холопство в XVI – начале XVII в. Л. : Наука, 1975. 266 с.
- Панях В. М. Холопство в первой половине XVII в. Л. : Наука, 1984. 259 с.
- Полное собрание законов Российской империи : в 50 т. (ПСЗ). СПб. : Изд-во Императ. канцелярии, 1830–1916. Т. 1. 1830. 1029 с.
- РГАДА. Ф. 233 (Углицкая приказная изба). Д. 301.
- РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 456. Л. 202–216.
- Соборное уложение 1649 г. : Текст. Комментарии. Л. : Наука, 1987. 448 с.
- Судебники XV–XVI вв. М. : Изд-во Акад. наук, 1952. 505 с.
- Хелли Р. Холопство в России 1450–1725 гг. М. : Академия, 1998. 694 с.
- Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М. : Изд-во Акад. наук, 1943. 563 с.
- Siegel B. J. Some Methodological Considerations for a Comparative Study on Slavery // Am. Anthropologist. № 47. 1945. P. 357–392.

References

- Arakcheev, V. A. (2007) *Dvorovye i zadvornye ljudi: k issledovaniju terminologii perepisnyh knig 1640–1670-h gg.* [“Dvorovye i Zadvornye Ludi”: Towards the Study of the Terminology of the Census Books of the 1640s–1670s]. In *Gosudarstvo i obschestvo v Rossii XV-nachala XX v.* Sankt-Petersburg, Nauka, 2007, p. 316–324.
- Arakcheev, V. A. (2014) *Vlast i zemlja: pravitel'stvennaja politika v otnoshenii tjaaglyh soslovij Rossii vtoroj poloviny XVI-nachala XVII v.* [Power and “land”: Government policy Towards Taxpaying Estates in Russia in the Second Half of the 16th-early 17th century]. Moscow, Drevlehranilische, 2014. 506 p.
- Arakcheev, V. A. (2015) *O prichinah perehoda k podvornoj sisteme nalogoobloszenija v 1678–1679 gg.* [The Reasons for the Transition to the Grid System of Taxation in the Years 1678–1679]. In *Essegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 2014 god.* Moscow, Samara, Samarski universitet, 2015, p. 118–125.
- Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archive of Saint Petersburg Institute of History RAN]. F. 134 (Dedilovskaja prikaznaja изба). Op. 1. D. 699, 704, 740, 741, 748.
- Vasinskii, V. M. (1974) *Zemlevladenie i skladyvanie obschiny odnodvorzev v XVII v.* [Land Tenure and the Establishment of the Community of “Odnodvorzi” in the 17th century.] Voronezh, Izd. Voronezhskogo universiteta, 1974. 255 p.
- Vodarskii, A. J. (1977) *Naselenie Rossii v konze XVII – nachale XVIII v.* [The Population of Russia at the End of the Early 17th–18th centuries]. Moscow, Nauka, 1977. 262 p.
- Vorobiev, V. M. (1983) *Izszivalos' li holopstvo v pomestjah Severo-Zapada Rossii srediny XVII – nachala XVIII v?* [Did Slavery Disappear in the Estates of Northwest Russia in the Mid–17th – Early 18th Centuries]. In *ISSSR.* 1983. № 4, p. 113–123.
- Dvorjanstvo i krepostnoj stroj Rossii XVI–XVIII vv.* Moscow, Nauka, 1975. 270 p.

Gotie, J. V. *Zamoskovnyj kraj v XVII v.* [“Zamoskovnyj kraj” in the 17th century.] Moscow, Tip. Lissnera I Sobko, 1906. 602 s.

Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI-pervoj poloviny XVII v. Texty. [The Legislative Acts of the Russian State the Second Half of the 16th – 1st Half of the 17th centuries. Texts.] Leningrad, Nauka, 1986. 261 p.

Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI – pervoj poloviny XVII v. Kommentarii. Leningrad, Nauka, 1986. 260 p.

Kolycheva, E. I. (1971) *Holopstvo i krepostnichestvo.* [Slavery and Serfdom]. Moscow, Nauka, 1971. 250 p.

Korezkii, V. I. (1970) *Zakreposchenie krestjan I klassovaja bor'ba v Rossii vo vtoroj polovine XVI v.* [Enslavement of Peasants and Class Struggle in Russia in the Second half of the 16th century.] Moscow, Nauka, 1970. 300 p.

Pamjatniki russkogo prava (konez XV-nachalo XVII v.) [Monuments of Russian Law (Late 15th – Early 17th Centuries)]. Moscow, Izd. Juridicheskoi literatury, 1956. Vyp. IV. 632 p.

Pamjatniki russkogo prava (pervaja polovina XVII v.) [Monuments of Russian law]. Moscow, Izd. Juridicheskoi literatury, 1959. Vyp. V. 667 p. (First Half at the 17th Century).

Pamjatniki russkogo prava (vtoraja polovina XVII v.) [Monuments of Russian law]. Moscow, Izd. Juridicheskoi literatury, 1963. Vyp. VII. 510 p. (Second Half at the 17th Century).

Panejach, V. M. (1975) *Holopstvo v XVI-nachale XVII v.* [Slavery in the 16th– Early 17th Centuries.] Sankt-Petersburg, Nauka, 1975. 266 p.

Panejach, V. M. (1984) *Holopstvo v pervoj polovine XVII v.* [Slavery in the 16th– Early 17th Centuries.] Sankt-Petersburg, Nauka, 1984. 259 p.

Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj imperii. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sankt-Petersburg, Izd. Tipografii imp. kanceljarii, 1830. Vol. 1. 1029 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts.] F. 233 (Ugliszskaja prikaznaja izba). Op. 1. D. 301.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 1209 (Pomestnyj prikaz). Op. 1. D. 456. L. 202–216.

Sobornoe ulozhenie 1649 g. Text. Kommentarii. [The Parliamentary statute of 1649]. Moscow, Nauka, 1987. 448 p.

Sudebniki XV–XVI vv. [The Law Proceeding of the 15th–16th Centuries.] Moscow, Izd. Akademii Nauk, 1952. 505 p.

Hellie, R. (1998) *Holopstvo v Rossii 1450–1725 gg.* [Slavery in Russia, 1450–1725]. Moscow, Academia, 1998.

Jakovlev, A. I. (1943) *Holopy i holopstvo v Moskovskom gosudarstve XVII v.* [Slaves and Slavery in the Moscow State of the 17th Centuries.] Moscow, Izd. Akademii Nauk, 1943.

Siegel, B. J. (1945) Some Methodological Considerations for a Comparative Study on Slavery. In *Am. Anthropologist*, 47, pp. 357–392.

The article was submitted on 01.04.2016